

Восточный вопрос в российской публицистике: от философии к политике*

Т. Г. Туманян

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Туманян Т. Г. Восточный вопрос в российской публицистике: от философии к политике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 4. С. 543–555. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.408>

Работа посвящена исследованию некоторых аспектов Восточного вопроса в русской философской публицистике второй половины XIX — первых двух десятилетий XX в. Именно на этом этапе российской истории Восточный вопрос, традиционно включавший в себя соперничество на Балканском полуострове и в Закавказье, борьбу за свободное мореплавание и торговлю в черноморской акватории, проливах Босфор и Дарданеллы, а также возможность осуществления контроля над Константинополем, равно как и над некоторыми другими важными для Российской империи районами Ближнего Востока, находит свое отражение в многочисленных работах отечественных философов, писателей и публицистов. В статье рассмотрены ключевые идеи и взгляды в этом вопросе таких русских мыслителей, как Ф. И. Тютчев, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, С. Я. Елпатьевский, Е. Н. Трубецкой, П. Н. Милоков и др. Исключительно важный аспект Восточного вопроса, занимавший умы отечественных мыслителей, — духовное и культурное единство России и славянского мира. Славянский вопрос был в центре внимания российской публицистики на протяжении долгих десятилетий. Вместе с тем особое место в изучении и осмыслении Восточного вопроса русскими интеллектуалами непременно отводилось Константинополю. Понимание высокого символического значения этого великого города как духовного центра православно-византийской цивилизации нашло широкое отражение в ведущих отечественных научно-просветительских журналах. Достигнув своего пика в годы Первой мировой войны, обсуждение Восточного вопроса в российской публицистике утратило свою актуальность с приходом к власти советского правительства.

Ключевые слова: Восточный вопрос, Константинополь, философия, русская публицистика, панславизм, Балканские страны, проливы Босфор и Дарданеллы, Византийская цивилизация, европейские державы, Первая мировая война, Русская революция.

Так называемый Восточный вопрос всегда имел принципиальное значение для Российского государства. Вместе с тем под этим несколько расплывчатым названием, во многом неоднозначным, но давно закрепившимся в истории дипломатии¹,

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00623 «Отечественная философская журналистика. 1917–1922 гг.».

¹ Отечественные историки, исследовавшие происхождение и содержание термина «Восточный вопрос», расходятся во мнениях о времени его возникновения. Ряд ученых полагает, что этот термин мог появиться в конце XVIII в., другие связывают его с попытками Египта приобрести независимость от Османской империи в 30–40-е годы. XIX в., в то время как третьи относят его рождение к решениям Веронского конгресса Священного союза. Что касается географии Восточного

публицистике и научной литературе, обычно подразумевают совокупность международных проблем середины XVIII — начала XX в., связанных с государственно-территориальной дезинтеграцией Османской империи.

В основе содержания этих проблем, с одной стороны, лежал кризис традиционных для Турции социально-политических и экономических отношений, сопровождавшийся мощными национально-освободительными движениями, с другой — заинтересованное участие в решении этих проблем России и ведущих европейских государств. Иными словами, Восточный вопрос был вызван объективным процессом распада некогда могущественной империи турецких султанов и соперничеством европейских стран за «османское наследство».

Особое и исключительно важное место в Восточном вопросе всегда занимала Российская империя, геополитическая стратегия которой определялась традиционными интересами в Закавказье, Крыму и на северном побережье Черного моря, свободной торговлей и мореплаванием в черноморской акватории, проливах Босфор и Дарданеллы, распространением своего влияния на Балканах, а также возможностью контроля над Константинополем, равно как и над другими важными для христианства районами Ближнего Востока. Эти устремления обосновывались не только имперскими амбициями России, они во многом отражали государственные потребности, в том числе в вопросе обеспечения защиты южных рубежей страны.

Анализируя Восточный вопрос в отечественной философской публицистике, следует в первую очередь обратиться к трудам русских ученых и мыслителей XIX в., преимущественно второй его половины. Именно в это время значение Восточного вопроса приобрело первостепенную важность для геополитических интересов Российской империи; он становится предметом активного обсуждения в кругах российских интеллектуалов, главным образом представителей славянофильства и панславизма². Последователи именно этих религиозно-философских и общественных течений рассматривали возможность объединения под началом Российской империи всех славянских народов, находившихся в пределах Османской империи³. К числу наиболее ярких представителей этой интеллектуальной традиции следует прежде всего отнести А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева, М. П. Погодина, Н. И. Костомарова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, И. С. Аксакова. Многие их идеи нашли не только отражение, но и развитие в трудах следующего поколения, представителей так называемого позднего славянофильства — Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева и др.

В своих работах русские интеллектуалы — идеологи панславизма достаточно активно и последовательно поддерживали и обосновывали политику царского правительства на Балканах, его военную деятельность и дипломатические усилия в целях освобождения славянских народов от османского ига. М. П. Погодин, известный российский историк и публицист, издатель и один из постоянных авто-

---

вопроса, то здесь также отсутствует единство понимания и существуют разные точки зрения. См. подробнее: [1, с. 3–8; 2].

² В данной работе мы не будем затрагивать вопросы, связанные со становлением и развитием доктрины славянофилов, ее соотношением с теорией панславизма и иными близкими ей учениями.

³ Российские интересы распространялись также на славянские страны, находившиеся в зоне влияния Австро-Венгерской империи.

ров «учено-литературного» журнала «Москвитянин», в своих работах однозначно утверждал, что народы Турции, а именно те, кто проживает «в Болгарии, Сербии, Македонии, самой Румелии, не говоря уже о Молдавии и Валахии, суть чистые славяне, не только единоплеменники, но и единоверцы, которые во всякую войну передаются на нашу сторону и ничего не желают столько, вместе с греками, как называться подданными Благого Царя» [3, с. 8]. Сама же Турция, по мнению М. П. Погодина, «давно уже не имеет никакого значения, и в наше время два раза спасла ее от угрожающей гибели Россия, которой двое суток только и нужно во всякое время, чтобы флот ее явился под стенами Константинополя» [3, с. 8].

Один из наиболее известных приверженцев идеологии панславизма И. А. Аксаков, развивая славянофильские идеи своего старшего брата К. А. Аксакова, стремился к решению Восточного вопроса, под которым понимал прежде всего славянский вопрос в великодержавно-имперском ключе, рассматривая будущее всех славян в составе Российского государства. «Восточный вопрос для России, — писал И. А. Аксаков, — в существе своем прост и ясен. Это вопрос собственно нашего бытия, но и собственно русский, а не западноевропейский» [4, с. 249].

Ф. И. Тютчев, рассуждая о судьбах России, также обращался в своем творчестве к вопросам Византии и Востока. Он затрагивал злободневные проблемы, связанные с традициями восточной церкви и Россией, православием и славянством, европейским Западом и Востоком не только в своих стихах, но также в публицистических работах. В его статьях мы находим историософские основания поднятых автором проблем. Для него суть Восточного вопроса — это не только признание духовно-нравственного величия византийской цивилизации, но и возвращение главного символа этой цивилизации — Царьграда со Святой Софией — в лоно православия. Ведь именно «Москва, и град Петров, и Константинов град — вот царства русского заветные столицы...»⁴ Несмотря на столь возвышенный пафосный призыв, Ф. И. Тютчев вместе с тем хорошо осознавал всю сложность, а возможно, и тщетность решения такой задачи в скором времени. Именно поэтому Восточный вопрос для него — это вечный вопрос, который «может разрешить только история» [5, с. 134].

Публицистическая деятельность славянофилов в контексте поиска ответов на вопросы восточной политики Российской империи заметно оживилась в 60–70-е годы XIX в. Новый всплеск творческой активности адептов панславизма был вызван не только неутешительными результатами Крымской войны. Такой подъем во многом объяснялся желанием поддержать нарастающую борьбу балканских народов за свою независимость. Именно тогда, впервые опубликовав в журнале «Заря» главы своего труда «Россия и Европа», выдающийся русский историк и философ Н. Я. Данилевский обосновал сущность Восточного вопроса как противостояние романо-германского и славянского культурно-исторических типов общества, у каждого из которых был собственный эволюционный путь. Решение проблемы Н. Я. Данилевский видел в создании единого Всеславянского союза в некой «федеративной форме славянского мира» [6, с. 429] с Россией во главе [6, с. 402–404]. Понимая, насколько нелегко будет осуществить столь амбициозные для России задачи объединения славянских народов, Н. Я. Данилевский отмечал: «Борьба с Запа-

⁴ Так писал Ф. И. Тютчев в стихотворении с символическим названием «Русская география».

дом — единственное спасительное средство как для излечения наших русских культурных недугов, так и для развития общеславянских симпатий, для поглощения ими мелких раздоров между разными славянскими племенами и направлениями. Уже назревший восточный вопрос делает борьбу эту, помимо чьей бы то ни было воли, неизбежною в более или менее близком будущем» [6, с. 433].

Особое место в понимании Восточного вопроса Н. Я. Данилевский отводил Константинополю как признанному центру православного христианства и вместе с тем городу «вольному», многонациональному, «где все народы будут <...> владеть им на равных основаниях вместе с русским... [городу,] который должен когда-нибудь стать общим городом всех восточных народностей». Свои взгляды на этот вопрос мыслитель изложил в статье «Царьград», вошедшей в книгу «Россия и Европа». В ней автор выдвигает не только традиционные религиозно-нравственные доводы в пользу «обладания Константинополем, центром православия, средоточием великих исторических воспоминаний» [6, с. 382], но также рассматривает его практическую, в частности экономическую, значимость для России. Здесь же мы находим аргументы в пользу несомненного военно-стратегического значения проливов, ибо «с юга Россия открыта ударам держав, обладающих большими морскими средствами» [6, с. 376]. Н. Я. Данилевский утверждал, что «владычество» на Черном море особо необходимо ввиду недостаточной мощи российского флота. Именно «Черное море в состоянии дать России силу и влияние на морях... тот характер морского могущества» [6, с. 380], который необходим, чтобы противостоять мощи «тех океанических морских держав, корабли которых разбросаны по всем широтам и долготам и разносят имя и влияние своих отечеств по островам и прибрежьям всего земного шара» [6, с. 380].

Тем не менее Н. Я. Данилевский склоняется к тому, что Царьград — «Босфорская столица» — не станет русским городом. «Константинополь, преобразенный в настоящий Царьград, должен быть сам по себе чем-то больше, нежели столицей Русского царства... Одним словом, Царьград должен быть столицей не России, а всего Всеславянского союза» [6, с. 384].

В полемике по этому вопросу Н. Я. Данилевский встретил серьезного оппонента в лице Ф. М. Достоевского [7, с. 82–87]. Известно, что судьба славянских народов Балкан, их взаимоотношения с Османской империей и Россией и особенно будущее Константинополя занимают важное место в творчестве великого писателя. Будучи редактором газеты-журнала «Гражданин», Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» печатал свои работы по восточной проблематике. В 1876–1877 гг. «Дневник писателя» выходил уже самостоятельными ежемесячными изданиями. В этих номерах и были опубликованы наиболее интересные мысли и рассуждения писателя по Восточному вопросу.

В дневнике за 1876 г. Ф. М. Достоевский, переживая за судьбы балканских славян в Османской империи, обращается к Восточному вопросу [8, с. 44–46]. Чуть позже, в 1877 г., опять же на страницах «Дневника» автор в развитие означенной темы пишет, что никто иной, но именно Российская империя «как предводительница православия, как покровительница и охранительница его» может и должна вернуть Константинополь, и «Константинополь должен быть наш, завоеван нами у турок и остаться нашим навеки. Одним нам он должен принадлежать, а мы, конечно, владея им, можем допустить в него и всех славян, и кого захотим, еще сверх

того» [7, с. 83]. Размышляя о том, как русский народ понимает Восточный вопрос, писатель излагает свое видение того значения и исторической роли, которая отведена России: «С самого покорения Константинополя весь огромный христианский Восток невольно и вдруг обратил свой молящий взгляд на далекую Россию, только что вышедшую тогда из своего татарского рабства, и как бы предугадал в ней будущее ее могущество, свой будущий всеединящий центр себе во спасение. Россия же немедленно и не колеблясь приняла знамя Востока и поставила царьградского двуглавого орла выше своего древнего герба и тем как бы приняла обязательство перед всем православием хранить его и все народы, его исповедующие, от конечной гибели» [9, с. 68].

Примечательно, что Ф. М. Достоевский, веря в мощь России и полагаясь на ее «меч», который «уже несколько раз сиял» во имя освобождения народов Востока, в то же время осознавал зыбкость возможного союза славянских народов. В «Дневнике», в разделе «Самые подходящие в настоящее время мысли», писатель не без сожаления говорит о сомнениях и даже опасениях многих жителей Балкан оказаться «под игом» Российской империи. «Но увы, чуть ли не вся интеллигенция восточной райи хоть и зовет Россию на помощь, — отмечает Ф. М. Достоевский, — но боится ее, может быть, столько же, сколько и турок, “Хоть и освободит нас Россия от турок, но поглотит нас как и ‘больной человек’ (Османская империя. — Т. Т.) и не даст развиваться нашим национальностям”» [9, с. 70].

Пожалуй, наиболее яркой фигурой русской философской публицистики, чье творчество в изучении христианства и культуры балканских народов и сегодня вызывает интерес у исследователей, был К. Н. Леонтьев. Этот незаурядный мыслитель, писатель и дипломат, проведший долгие годы жизни в Малой Азии и на Балканах, оставил немалое литературно-художественное наследие о Востоке. Вот что писал в конце XIX в. об ориенталистских трудах этого русского философа один из наиболее влиятельных литературных и общественно-политических журналов России: «Восток полюбился Леонтьеву и произвел на него глубокое впечатление. Он имел большое влияние на его... творчество... яркий и пестрый быт Востока... давал богатую пищу его наблюдательности, разбудил в нем художника и заставил его обогатить нашу литературу целым рядом... повестей и рассказов, большинство которых было напечатано в конце 60-х и начале 70-х гг. в “Русском вестнике” и потом издано отдельно в 2-х томах под общим названием: “Из жизни христиан в Турции”» [10, с. 260].

Восточный вопрос, или «восточные дела», как называл их сам автор, всегда занимал видное место в творчестве К. Н. Леонтьева. Годы деятельности на дипломатическом поприще в Османской империи, а затем и работа в качестве самостоятельного исследователя Ближнего Востока навсегда связали К. Н. Леонтьева с этим регионом. Он хорошо знал и любил культуру народов Малой Азии и Греции. Свои основные литературно-философские труды К. Н. Леонтьев создает в 1870–1880-е гг. Именно в эти годы он раскрывается как талантливый публицист-ориенталист. Из под его пера выходят такие историософские произведения, как «Панславизм и греки», «Панславизм на Афоне». Тогда же появляется и наиболее известный труд автора — «Византия и славянство». Эта работа впервые была опубликована в 1875 г. в одном из журналов Московского университета. Уже позже, в 1885–1886 гг., основные сочинения К. Н. Леонтьева по Востоку, в которых нашли отражение его

социально-философские взгляды, были изданы в двухтомном сборнике статей под названием «Восток, Россия и славянство» [11].

Примечательно, что будущее России, ее процветание и могущество К. Н. Леонтьев во многом связывал с потребностью решения Восточного вопроса. Именно поэтому он никогда не отказывался от мысли о необходимости борьбы за Ближний Восток, о важности сокрушения векового соперника России — Османской империи. Под успешным решением Восточного вопроса К. Н. Леонтьев понимал не только изгнание турок с Балканского полуострова и освобождение братьев по вере, но и, конечно же, «возвращение» Константинополя. Ведь с этим великим городом на берегах Босфора как «средоточием вселенной» были связаны самые сокровенные думы и помыслы всех тех, кто желал видеть именно Россию преемницей Византийской империи.

Отношение к Константинополю — ключ к пониманию философской концепции К. Н. Леонтьева. Для него Царьград — безусловный символ православия, осуществляющий через века и невзгоды духовную преемственность прошлого и настоящего. Именно в нем автор видит то сакральное назначение, которое навеки связывает Россию с Византией. Именно этому городу, по его мнению, предстоит определить общую судьбу и будущее православного мира.

Вместе с тем суть леонтьевской концепции, где вопросы владения Константинополем и проливами, освобождения славянских народов и выдворения турок с Балкан являются важными элементами, все-таки сводится к другому. Он находит будущее России и славян в формировании такой цивилизационной модели, которая могла бы отвечать чаяниям народов с разными культурными и духовными традициями. Фундаментом для такой славяно-азиатской цивилизации мог стать только союз славянских стран, сформированный на принципах православной духовности и культурной близости, как это было в эпоху Византийской империи.

На рубеже XIX–XX вв. к Восточному вопросу обращались многие русские писатели и публицисты, в том числе Л. Н. Толстой, И. А. Бунин. Внимание корифеев русской литературы привлекали самые разные аспекты культуры народов Ближнего Востока: эпос и религиозные учения, философские традиции и литературное творчество, искусство и фольклорное наследие, т. е. все то, что Л. Н. Толстой именовал «восточной мудростью».

Определенный интерес с точки зрения поиска новых путей социально-политического развития Османской Турции в начале XX в., а также состояния злободневного и болезненного национального вопроса в стране представляют наблюдения русского публициста С. Е. Елпатьевского. Его впечатления и оценки младотурецкой революции, а также постреволюционных событий в Стамбуле, который он посетил в 1909 г., нашли отражение на страницах либерально-народнического журнала «Русское богатство». Отдавая должное революционерам, противникам старого прогнившего султанского режима, С. Я. Елпатьевский — писатель, врач и гуманист — чрезмерно доверчиво и даже в чем-то наивно называл младотурок «турецкими декабристами» [12, с. 159] и надеялся на принципиальное решение многовековых национальных и конфессиональных проблем в Османской империи. Явно завышенные ожидания от «прогрессивной» деятельности младотурок мы находим в его статье «Константинопольская контрреволюция»: «Между тем им (младотуркам. — Т. Т.) не уйти от национального вопроса — и не только от вопроса

христианских национальностей, — и албанцы, и арабы потребуют себе в будущем отгороженного места для себя» [12, с. 159].

Проблему национальных отношений писатель поднимает и в другой своей работе под названием «Египет», опубликованной в трех номерах журнала «Русское богатство» в 1909 г. В этом сочинении обнаруживаются не только глубокие, содержательные наблюдения С. Я. Елпатьевского за особенностями жизни и быта «представителей Европы, Азии и Африки» [13, с. 205] в этой арабской стране, но и его реакция на политические события, связанные с борьбой египтян за свои права и свободы. Отдавая должное Революции 1905–1907 гг. в России, С. Я. Елпатьевский отмечает то огромное значение, «какое... имела для Египта и для всего Востока буря русской революции, какая непрерывная диффузия людьми и идеями существовала и существует между Константинополем и Каиром. Какое глубокое, захватывающее толщу населения движение идет в настоящее время на Востоке вообще и в Египте в частности» [13, с. 211].

Заметный рост интереса российской политической и интеллектуальной элиты к Восточному вопросу в начале XX в. был вызван предчувствием грядущей мировой войны. Проявившееся оживление столь насущного, но так и не решенного для России вопроса о Константинополе и проливах, нашло широкое отражение на страницах русской периодики. Это были не только статьи, поддерживавшие традиционные славянофильские идеи, но и публикации, в которых отчетливо проявились убеждения и взгляды представителей многих других общественно-политических платформ и идеологий.

Усиление германских позиций в Европе вкупе с неудачами русской армии и флота на полях сражений в Маньчжурии и в водах Цусимы заставили Россию искать новых союзников в Лондоне и Париже. Ведь совместное участие с Великобританией и Францией в войне против Германии и Османской Турции в случае победы, как полагали российские политики, могло бы привести к взаимовыгодному размену территориями с союзниками по Антанте и, в конце концов, приобретению Россией вождеденных ключей от Святой Софии. Россия верила в успех нового продвижения на Восток и стремилась к нему.

Новая политическая стратегия России, ее ориентация на сближение и союз с Великобританией — извечным соперником в Восточном вопросе — получила общественный резонанс и широкое освещение в отечественной публицистике того времени. На страницах различных изданий мы находим материалы, относящиеся к восточным интересам Российской империи, в том числе статьи, подводящие религиозно-философские, если не сказать: религиозно-мистические основания, которые неудержимо влекли Россию на Восток для вызволения «Священного Цареграда с церковью Святой Софии и Иерусалима с Господним Гробом» [14, с. 5]. Их авторы призывают «к твердой и уверенной поступи» государства Российского, которая должна идти *посолонь*, т. е. «по солнцу... движением крестного хода с Востока на Запад». Как тут ни вспомнить восторженные слова поэта В. Хлебникова, прозвучавшие в канун войны: «Посолонь слава. За солнцем, друзья, на Запад за солнечным ходом. Победная слава... идет».

Конечно же, были и скептики, и критики столь безудержного движения к заветной цели. Далеко не все разделяли непоколебимую уверенность в легких грядущих победах. Валерий Брюсов накануне Первой мировой войны не без сомнений,

но все же с надеждой писал на страницах журнала «Русская мысль»: «Константинополь, по-видимому, остается в руках турок... Но нет сомнения, что через несколько десятилетий, если не произойдет событий непредвиденных, он будет вновь обложен христианским воинством... Турки обречены на изгнание, подобно тому как мавры были обречены на изгнание из Испании» [15, с. 103–104].

Начало Первой мировой войны вызвало патриотический подъем в русской публицистике. Пожалуй, больше других уделял внимание перспективам царской политики на Ближнем Востоке журнал «Русская мысль». На страницах этого авторитетного издания Восточный вопрос, традиционно включавший в себя судьбу черноморских проливов и Константинополя, будущее Ближнего Востока и Святой земли, балканских славян и христиан Малой Азии, находил освещение в трудах представителей российской научной элиты. Это были не только философы и литераторы, историки и юристы, но также многочисленные политики и представители православного духовенства. Уверенность в правильности выбора России, пафос успеха и вера в неминуемую победу в войне составляли отличительную особенность не только пропагандистской журналистики, но и содержательных статей русских интеллектуалов, призывавших, как писал П. Б. Струве, «довести до конца внешнее расширение Российской империи, осуществив ее имперские задачи и ее славянское призвание...» [16, с. 178].

Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что в условиях разгоравшегося пламени мировой войны помыслы о завоевании Константинополя и проливов были возведены в общественном сознании россиян до уровня национальной идеи, великое значение которой одинаково восторженно принимали все слои российского общества. Е. Н. Трубецкой, рассуждая о непреходящей ценности Царьграда с его «евангельской жемчужиной» — Святой Софией — для судьбы русского народа, писал: «...храм Святой Софии выражает для нее (России. — Т. Т.) тот смысл ее народной жизни, без коего ни богатство народное, ни могущество, ни даже существование нашего народа не может иметь ни малейшей цены» [17, с. 4–5]. Дальнейшие размышления философа о вопросах «русской жизни... так или иначе, завершаются этим одним, центральным вопросом — удастся ли России восстановить поруганный храм и вновь явить миру погашенный турками светоч» [17, с. 5].

Столь высокую значимость священного города на берегах Босфора, а следовательно, и необходимость бескомпромиссной борьбы за его христианское будущее в полной мере разделяли и другие признанные российские ученые. Вот что писал в 1915 г. на страницах «Русской мысли» известный московский историк, юрист и публицист С. А. Котляревский: «...доказывать необходимость и неизбежность нашего утверждения в Константинополе — едва ли не значит ломиться в открытую дверь. Здесь создается редкое единодушие среди наших различных политических групп, здесь нет каких-либо разногласий между этими группами и ответственными руководителями нашей политики. Повелительная историческая необходимость требует, чтобы вековое дело было завершено в Константинополе, вошедшем в состав русской державы, и эта необходимость становится с каждым днем все более осознанной, несмотря на все старые предубеждения и предрассудки» [18, с. 1]. Рассуждая о глубоком смысле и значении византийской столицы для судьбы России, С. А. Котляревский заключает, что день «возвращения» Константинополя станет важной вехой не только в международной жизни. Это будет та «великая грань»,

преодолев которую Россия, как это было во времена основания Петербурга, начнет новую эпоху своего развития [18, с. 3].

Подобное воодушевление, подкрепленное рядом успехов русской армии на начальном этапе войны, было характерно чуть ли не для каждой публикации, а журналистика тогда отражала, по сути дела, всю палитру течений отечественной социально-политической мысли. Особо много статей историко-философского содержания, а также специальных изданий, посвященных Восточному вопросу, вышло в 1914–1916 гг. Содержание этих работ, за малым исключением, не отличалось глубиной и оригинальностью. Воздавая должное заветной мечте о водружении Андреевского флага над Царьградом и возвращении Святой Софии в лоно православно-славянской цивилизации, авторы нередко обосновывали свои идеи сомнительными, трудно подтверждаемыми историческими событиями и фактами. Патриотический порыв многочисленных публицистических работ с очевидным пропагандистским содержанием был столь велик, что журнал «Современный мир» был вынужден не без иронии признать, что «теперь на Руси жрецы Аполлона все сделались патриотами, да не только патриотами, но еще и православными, христианами, славянами, крестonosцами, мечтающими освободить Константинополь своими перьями, с которых вместе с чернилами неизменно стекают “Олеговы щиты” в неисчислимом количестве» [19, с. 155].

Революционные события февраля 1917 г. не могли не сказаться на эмоциональном настрое и содержании статей о российских национальных интересах и внешнеполитических проектах. Восточный вопрос, как и многие другие принципиальные положения, составлявшие международную повестку Российской империи, постепенно стал отходить на второй план, теряя былую остроту и актуальность. Неудивительно, что в журнальных публикациях 1917 г. мы практически не находим столь многочисленных и популярных еще совсем недавно воззваний к «единению с братьями-славянами» и призывов «возвратить Константинополь». В то же время в некоторых публикациях, обращенных к «созидателям будущего мира», все больше говорится о таких государственных задачах, как «обеспечить России не минимум, а действительную свободу плаванья через Проливы и обезопасить наше... побережье. При этом... сводить... вопрос к спору о том, нужна ли нам аннексия (т. е. присоединение к русским владениям) Проливов, — является простым недоразумением» [20, с. 11–12].

В условиях перехода от традиционной имперской политики русских царей к новому курсу Временного правительства в столичных журналах появился ряд содержательных статей, авторы которых пытались критически осмыслить происходящие в жизни России изменения и предвосхитить развитие страны, определить ее будущее место в системе международных отношений с точки зрения все более угасающих перспектив успеха в мировой войне.

Восточному вопросу посвятил цикл своих работ известный политик, историк и публицист П. Н. Милюков. В трех номерах журнала «Вестник Европы» [21–23] П. Н. Милюков представил свое видение российской стратегии и политики в борьбе за Константинополь и проливы в свете изменившегося после Февральской революции положения внутри страны. Реалистично оценивая сложную для России ситуацию, он излагает свой путь выхода «из этого рокового круга» и усматривает его лишь в бескомпромиссной борьбе. «Не спорами о целях войны, а решимостью

возобновить борьбу. Вместо того чтобы рассуждать, — считает П. Н. Миликов, — ...нужно воевать и добиваться общей с союзниками победы. Если победа будет, то будут и проливы» [23, с. 547]. Вместе с тем складывается впечатление, что и сам политик склонен сомневаться в возможностях и перспективах «революционной» России: «Если же не будет победы... или, если союзники победят одни, без нас, что всего вероятнее, если они за наш счет помирятся, тогда... суждения о нас... выльются в такие формы, о которых страшно подумать» [23, с. 547].

Октябрь 1917 г. окончательно развеял оставшиеся сомнения той части русских интеллектуалов, которые все еще связывали какие-то надежды с Временным правительством и возможностью положительных перемен в войне. Слабеющие отголоски восточной политики все еще находили отражение в российской публицистике, однако это были чаще всего работы, которые выходили скорее в силу некоей инерции, нежели в ожидании перемен к лучшему.

Пожалуй, главными темами на страницах незначительного количества общественно-политических и просветительских журналов, которые еще не были закрыты новой властью, в 1918 г. стали вопрос выхода России из войны и Брестский мир.

Б. Э. Нольде, известный российский юрист и дипломат, член Временного правительства России, посвятил «пораженческому» Брестскому миру и будущему России несколько статей и заметок, опубликованных в 1918 г. в журналах «Вестник Европы» [24; 25] и «Международная политика и мировое хозяйство». «Россия, — писал Б. Э. Нольде, — вышла из числа полноправных участников мировой жизни, но мировая обстановка продолжает оставаться коренным условием и русской жизни. Правда, международные вопросы трагически сплелись... с началом революции, с вопросами русской внутренней жизни и иногда ими затемнялись, но... все они непосредственно связаны и непосредственно обусловлены тем могущественным мировым фактором, которым является великая война» [24, с. 357]. «Если верно то, что без войны не было бы русской революции 1917 г., то несомненно и другое. Судьбы русской революции были бы, конечно, иными, если бы не существовало войны» [24, с. 358].

Оценивая подписанный советским правительством договор, Б. Э. Нольде заключает: «Брестский мир... знаменует собой неслыханные потери для русской государственности и для русского народного хозяйства. Под разными титулами от России уходят на западной границе и на границе кавказской приобретения двух с половиной столетий упорной, настойчивой и талантливой работы наших предков <...> Россия отрекается от своего веками приобретенного влияния» [24, с. 373].

Российское государство, «круто повернув влево, в сторону социализма» после прихода к власти большевиков, не только в корне изменило последовательный ход истории, выбрав особый путь развития, но и полностью отказалось от прежних принципов и оснований построения международных отношений. Такие перемены, конечно же, касались и восточного вектора политики, Восточного вопроса. «Наша интернациональная ориентация, — как отмечалось в раннесоветской пропагандистской публицистике, — должна как можно быстрее распространиться и на огромный и многомиллионный Восток, сугубо заинтересованный в уничтожении империализма и национального угнетения. В своей внешней политике мы должны ориентироваться не только на пролетарски-социалистический Запад, но и... на аграрно-социалистический Восток» [26, с. 6]. Советская Россия, провозгласив курс «на классовую борьбу» и «национально-освободительное движение народов Вос-

тока», отказалась от той идеологии и политики, которую с разной степенью успеха проводила на протяжении многих десятилетий Российская империя, и покинула арену борьбы за Константинополь и проливы.

Международная конференция в швейцарской Лозанне, призванная окончательно решить проблемы построения послевоенного Ближнего Востока, завершилась подписанием в 1923 г. договора, который фиксировал новые условия и границы в регионе. В результате мирного договора в Лозанне, а также провозглашения на месте исчезнувшей Османской империи республиканской Турции Восточный вопрос как международная проблема был снят.

Литература

1. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М.: Наука, 1978. 434 с.
2. Котельников В. А. Восточный вопрос в русской политике и литературе // Русская литература. 2004. № 2. С. 3–29.
3. Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853–1856 // Сочинения М. П. Погодина. М.: Тип. В. И. Фриш, 1874. Т. IV. 358 с.
4. Аксаков И. С. Собр. соч. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. 791 с.
5. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем: в 6 т. М.: Классика, 2003. Т. 3. 525 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. 518 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. 423 с.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. 470 с.
10. Александров А. К. Н. Леонтьев // Русский вестник. 1892. Апрель. С. 250–285.
11. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство: сборник статей. М.: Типо-Литография И. Н. Кушнерева и Ко., 1885. Т. 1. 420 с.
12. Елпатьевский С. Я. Константинопольская контрреволюция // Русское богатство. 1909. № 4. С. 139–160.
13. Елпатьевский С. Я. Египет // Русское богатство. 1909. № 10. С. 191–213.
14. Антоний, архиепископ. Чей должен быть Константинополь? Ростов н/Д.: Тип. «Электра», 1916. 11 с.
15. Брюсов В. Новая эпоха во всемирной истории // Русская мысль. 1913. Кн. VI. С. 94–105.
16. Струве П. Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 176–180.
17. Трубецкой Е. Н. Национальный вопрос, Константинополь и Святая София. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. 32 с.
18. Котляревский С. Россия и Константинополь // Русская мысль. 1915. Кн. 4. С. 1–5.
19. Ожигов Ал. О беллетристической мобилизации // Современный мир. 1915. № 9. С. 155–170.
20. Петряев А. М. Проливы. М.; Пг.: Огни, 1917. 24 с.
21. Милюков П. Константинополь и Проливы // Вестник Европы. 1917. Январь. С. 354–381.
22. Милюков П. Константинополь и Проливы // Вестник Европы. 1917. Февраль. С. 227–259.
23. Милюков П. Константинополь и Проливы // Вестник Европы. 1917. Апрель–Май–Июнь. С. 525–547.
24. Нольде Б. Э. Вопросы международной жизни // Вестник Европы. 1918. Январь–Апрель. С. 357–373.
25. Нольде Б. Э. Вопросы международной жизни // Вестник Европы. 1918. Май–Август. С. 405–410.
26. Трояновский К. Восток и Революция. М.: Изд-во ВЦИК Советов Р.С.К. и К., 1918. 71 с.

Статья поступила в редакцию 18 апреля 2018 г.;
рекомендована в печать 26 июня 2018 г.

Контактная информация:

Туманян Тигран Гургенович — д-р филос. наук, проф.; tumt@mail.ru

The Eastern question in Russian publicism: From philosophy to politics*

T. G. Tumanian

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tumanian T. G. The Eastern question in Russian publicism: From philosophy to politics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 4, pp. 543–555. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.408> (In Russian)

The article is devoted to the study of the so-called Eastern question in Russian philosophical publicism covering the period of the second half of the 19th and the first two decades of the 20th century. This complicated question was especially relevant at this stage of Russian history. The Eastern question traditionally involves such issues as military rivalry in the Balkans and in the Caucasus, the struggle for freedom of navigation and trade in the Black Sea waters including the Bosphorus and the Dardanelles, and the ability to control Constantinople as well as some other areas of the Middle East important for the interests of the Russian Empire. The article considers key ideas and views on the past, present and future of the Eastern question of such Russian thinkers as F. I. Tyutchev, N. Ya. Danilevsky, F. M. Dostoevsky, K. N. Leontiev, S. Ya. Elpatyevsky, E. N. Trubetskoy, P. N. Milyukov and others. A highly important aspect of the Eastern question, constantly reflected in the leading domestic academic and educational journals, was the theme of Russia's relations with the Slavic world. The "Slavic question" was among the main themes of Russian journalism for many decades. The fate of Constantinople has always had a special place in the study and interpretation of the Eastern question by Russian intellectuals. Understanding of the unique symbolic significance of this Great city on the banks of the Bosphorus as the spiritual center of the Orthodox-Byzantine civilization was widely reflected in the Russian philosophical journalism of the 19th and early 20th centuries. Having reached its highest point in the years of the First World War the discussion of the Eastern question in Russian philosophical journalism has lost its relevance once the Soviet rule was established.

Keywords: the Eastern question, Constantinople, philosophy, Russian publicism, Pan-Slavism, the Balkan states, the Bosphorus and Dardanelles straits, Byzantine civilization, European powers, The First World War, The Russian Revolution.

References

1. *Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii. Konets XVIII — nachalo XX v.* [The Eastern Question in Russia's Foreign Policy. The end of the 18th century and the beginning of the 20th century] (1978), Nauka, Moscow, USSR.
2. Kotelnikov D. A. (2004), The Eastern Question in Russian Politics and Literature, *Russkaia literatura*, no. 2, pp. 3–29.
3. Pogodin, M. P. (1874), "Historical and political letters and notes during the Crimean War 1853–1856", in *Sochineniia M. P. Pogodina* [Proceedings of M. P. Pogodin], vol. IV, Tipografia V. I. Frish, Moscow, Russia.
4. Aksakov, I. S. (1886), *Sobranie sochinenii* [Collected works], vol. 1, Tip. M. G. Volchaninova, Moscow, Russia.
5. Tyutchev, F. I. (2003), *Polnoe sobranie sochinenii I pis'ma* [Complete works and letters], in 6 vols., vol. 3, Klassika Publ., Moscow, Russia.
6. Danilevskii, N. Ia. (1991), *Rossi`a i `Evropa* [Russia and Europe], Kniga, Moscow, Russia.
7. Dostoevskii, F. M. (1984), *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], in 30 vols., vol. 26, Nauka, Leningrad, USSR.

---

* The research has been performed within the grant of Russian Humanitarian Scientific Foundation № 16-03-00623 "The domestic philosophical periodicals. 1917–1922".

8. Dostoevskii, F.M. (1981), *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works], in 30 vols., vol. 23, Nauka, Leningrad, USSR.
9. Dostoevskii, F.M. (1983), *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], in 30 vols., vol. 25, Nauka, Leningrad, USSR.
10. Aleksandrov, A. K. (1892), “N. Leont’ev”, *Russkii Vestnik*, April, pp. 250–282.
11. Leont’ev, K.N. (1885), *Vostok, Rossiia i Slavianstvo* [East, Russia and the Slavs], collected papers, vol. 1, Tipo-Litografiia I. N. Kushnereva i Ko., Moscow, Russia.
12. Elpat’evskii, S. Ia. (1909), “The Constantinople counter-revolution”, *Russkoe bogatstvo*, no. 4, pp. 139–160.
13. Elpat’evskii, S. Ia. (1909), “Egypt”, *Russkoe bogatstvo*, no. 10, pp. 191–213.
14. Antonii, archi`yepiskop (1916). *Chei dolzhen byt’ Konstantinopol’?* [Whose should be Constantinople?], Tipografiya «Elektra», Rostov-na-Donu, Russia.
15. Bryusov, V. (1913), “New era in world history”, *Russkaia mysl’*, vol. VI, pp. 94–105.
16. Struve, P. B. (1914), “The Great Russia and Holy Russia”, *Russkaia mysl’*, vol. XII, pp. 176–180.
17. Trubetskoi, E. N. (1915), *Natsional’nyi vopros, Konstantinopol’ i Sviataia Sofiia* [The national question, Constantinople and St. Sofia], Tipografiia Tovarishchestva I. D. Sytina, Moscow, Russia.
18. Kotliarevskii, S. (1915), “Russia and Constantinople”, *Russkaia mysl’*, vol. 4, pp. 1–5.
19. Ozhigov, Al. (1915), “On fictional mobilization”, *Sovremennyi mir*, no. 9, pp. 155–170.
20. Petriaev, A. M. (1915), *Prolivy* [The Straits], Ogni Publ., Moscow, Petrograd, Russia.
21. Miliukov, P. (1917), “Constantinople and the Straits”, *Vestnik Evropy*, January, Petrograd, Russia, pp. 354–381.
22. Miliukov, P. (1917), “Constantinople and the Straits”, *Vestnik Evropy*, February, Petrograd, Russia, pp. 227–259.
23. Miliukov, P. (1917), “Constantinople and the Straits”, *Vestnik Evropy*, April–May–June, Petrograd, Russia, pp. 525–547.
24. Nol’de, B. E. (1918), “International Affairs”, *Vestnik Evropy*, May–August, Petrograd, Russia, pp. 405–410.
25. Nol’de, B. E. (1918), “International Affairs”, *Vestnik Evropy*, January–April, Petrograd, Russia, pp. 357–373.
26. Troianovskii, K. (1918), *Vostok i Revoliutsiia* [The East and Revolution], Izdatel’stvo Vserossi’skogo Tzentral’nogo Iсполnitel’nogo Komiteta R., S., K. i K., Moscow, Russia.

Received: April 18, 2018

Accepted: June 26, 2018

Author’s information:

Tigran G. Tumanian — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; tumt@mail.ru